

Фокуснику довольно посмеивается въ

И оба качали головами и несколько не торжествовали.

Въ Петербургъ курскаго воеводу Муратова многое поразило и огорчило. На улицахъ открыто продавались прогрессивныи газеты, и среди публики, проходившей по улицамъ были евреи, которые не только не сворачивали въ переулки при встречѣ съ ними, но даже и не замѣчали его.

— Еще не знаешь, кто я, — ухмылялся курскаго воевода. — Уже узнаешь!

Въ Петербургъ Муратову удалось «выслать» одного еврея.

Хоть одного, да «выслалъ»

Когда къ нему въ номеръ гостиницы явился интервьюеръ какой-то прогрессивной газеты, оказавшися евреемъ, — курскаго воеводу «выслалъ» его изъ своего номера безъ объясненія причинъ.

Но это было короткое мгновеніе торжества.

Въ министерствѣ воеводу встрѣтили сухо. Ему сказали, что и для Курской губерніи существуютъ законы.

Онъ не побѣжалъ.

Ему доказали.

— Странно, — сказалъ онъ, — дома меня считаютъ побѣдителемъ. Говорятъ что имъ мое будущее стоять рядомъ съ имѣемъ этого египетскаго фараона, который изгналъ изъ Египта евреевъ.

Его спросили:

— А какъ имъ этого фараона?

— Но история его не сохранила...

Это было очень грустно. Ахъ, эти историки! Они совершенно ничего не понимаютъ, и въ нужный моментъ подставляютъ человѣку ножку.

Въ концѣ концовъ курскому воеводѣ предписали:

— Воздерживаться....

Воевода подумалъ:

— Пропаганда лагеря!... Она уже

попытала получить, то есть въ постѣніи заявленіе, что закрытие произведено самовластіемъ распоряженіемъ Иванова.

Наконецъ, кульминаціонный, третій моментъ — постановленіе земского начальника Иванова губернатору еще не успѣло утвердиться, то есть въ постѣніи заявленіе, что закрытие произведено самовластіемъ распоряженіемъ Иванова.

На чёмъ же базируется это столь катаклизмическое заявленіе?

— Офиціальное опроверженіе, утверждающее, что «газеты съѣдѣнія» въ положеніи для въ Вахмутскихъ каменогородскихъ крестьянскихъ шахтахъ и обѣ угрожающихъ, якобы, въ связи съ этимъ, ухомъ крикѣи, безразбрѣтъ и прочее представляютъ совершенный вымыселъ».

На чёмъ же базируется это столь катаклизмическое заявленіе?

А вотъ, изволите ли видѣть, — на томъ основаніи, что министерство, производившее расслѣдованіе факта, запрісило оправдательные сообщенія у того самого губернатора, которому только наканунѣ предложеніемъ отказаться отъ своей идеи, и который «отказалась», заявивъ, что во всемъ виноватъ Ивановъ, а его, Колобовъ, хата съ крыло...

Просто!

Впрочемъ, съ момента приема депутации отъ шахтодержальцевъ до доклада министерству креэзилитациіи претерпѣла искаженія извилины: сначала губернаторъ, не отрица факта постановленія г. Иванова о закрытии шахтъ, заявлялъ депутатамъ только, что онъ, къ Колобову, вѣдь ни при чёмъ, министерство же уяснило, что все собиженіе... совершенный вымыселъ, но что въ губерніи присутствуетъ неясность на разсмотрѣніи какой-то таинственнѣйшій вопросъ по этому поводу.

Правда, справедливость требуетъ отмѣнить, что по доселеніи министерству екатеринославской губернскій администраціи, никакихъ распоряженій о закрытии шахтъ отъ администраціи не исходило, т.е. въ отсутствіи возможности предположить, что такое распоряженіе было, но исходило не отъ администраціи, а отъ земского начальника Иванова.

Такимъ образомъ это заявленіе по сути не расходится съ заявленіемъ шахтодержальцевъ.

Однако, министерство, несмотря на представленіе Н. Ф. фонъ-Дитмаря, не смотря на собственное распоряженіе обѣ отмѣтили закрытие шахтъ (вѣдь, несмотря на «программу» редакціи доклада губернатора, все же посыпало официально заявить):

— Все представляемъ современный вымыселъ!

Оно раскалось въ своей минутной откровенности, когда признало неправильность, когда признало неправильность дѣйствій екатеринославской администраціи.

Оно устыдилось своего «торгъя» и поспѣшило вернуться на обычную дорогу, въ обычной манерѣ опровергнуть:

— На Штиль все спокойно!

Л. Жемировский.

Побѣдителей не судятъ

(почти не-шаржъ).

Курскій воевода Муратовъ отправился въ Петербургъ за изысками.

Въ Курскѣ были устроены торжественные проводы.

Гремѣла музыка. Шрохжие сворачивали въ переулки съ пути губернатора.

— Чтобы не мѣшать торжеству.

Свидѣтели по семидесяти еврейскимъ дѣламъ — буфетчики, кассиры и рассыпанные сирки, — только одни нарушили радостно торжественное настроение своимъ убийствомъ.

— Назначать министромъ... Охъ, чутЬ мое сердце, — назначать министромъ, — говорилъ буфетчикъ.

— Тогда щитъ другого занятья... Свидѣтельствомъ дѣлъ больше не сѣѣтъ, — вѣдь рѣшилъ кассиръ.

А разысканный только погрѣсалъ ощущеній головой.

Послѣдніе, оставившися въ Курскѣ евреи, восемидесятый старикъ и двухъдѣтный младенецъ не знали, какъ имъ отнести къ отзыву губернатора Муратова.

— Если вернется, — выпыхаетъ, — разсуждай старикъ.

— А если сѣѣтъ министромъ, — тоже выпыхаетъ, — соображенъ младенецъ.

Фокуснику довольно посмеивается въ

туржествовали.

Въ Петербургъ курскаго воеводу Муратова многое поразило и огорчило.

На улицахъ открыто продавались прогрессивныи газеты, и среди публики, проходившей по улицамъ были евреи, которые не только не сворачивали въ переулки при встречѣ съ ними, но даже и не замѣчали его.

Фокуснику шаркаетъ ножкой, отѣвнимаетъ глубокой поклономъ и, приложивъ руку къ сердцу, скрываетъ за кулисами.

Только жалко ни тѣко сѣѣтъ было.

Фокуснику, вѣдь, не вѣрятъ въ то, что

онъ не вѣрятъ въ то, что

